

Часть IV. 1896-1899 гг. Духоборы. "Воскресенье" Глава 18. Смерть Вани. "Хозяин и работник". Начало духоборческого движения. Большую часть января Л. Н-ч провел в имении своего старого друга графа Олсуфьева, Никольском, куда он поехал со своей дочерью Татьяной Львовной 1 января на санях из Москвы. Путешествие было настолько приятно, что Л. Н-чу хотелось его продолжать. Он пишет своей жене: "Вот мы уже вторые сутки здесь, милый друг Соня. Доехали мы так хорошо, что жалко было приехать". И в конце письма добавляет: "Мне очень хочется здесь написать нечто давно задуманное, но, видно, это не в нашей власти, и нынче я был дальше от возможности писать, чем когда-нибудь". Но потом, как видно, писанье у него наладилось, и Л. Н-ч, живя у Олсуфьевых, закончил давно, еще в Бегичевке, начатый рассказ "Хозяин и работник"; он отослал его перед самым отъездом от Олсуфьева в редакцию "Северного вестника", где он и был напечатан в мартовском книжке; к нему мы еще вернемся. Там же, в Никольском, Л. Н-ч делает интересную запись в дневнике 4-го января: "Служба, торговля, хозяйство, даже филантропия - не совпадает с делом жизни: служения Царству Божию, т. е. содействия вечному прогрессу". В конце января Л. Н-ч возвращается в Москву. Дневник Л. Н-ча этого времени особенно обилён глубокими, значительными мыслями. Мы приведем здесь несколько ярких выдержек. Вот как он определяет "сумасшествие эгоизма". Запись эта относится к началу февраля: "Сумасшествие - это эгоизм, или, наоборот, эгоизм, т. е. жизнь для себя одного, своей личности - есть сумасшествие. (Хочется сказать, что другого сумасшествия нет, но не знаю, правда ли). Человек так сотворен, что не может жить один так же, как не могут жить одни пчелы; в него вложена потребность служения другим. Если вложена, т. е. свойственна ему потребность служения, то вложена и естественна потребность быть обслуживаемым, *etre servi*. Если человек лишится второго, т. е. потребности пользоваться услугами людей, он сумасшедший - паралич мозга, меланхолия; если он лишится первой потребности - служить другим, - он сумасшедший всех самых разнообразных сортов сумасшествия, из которых самый характерный - мания величия. Самое большое количество сумасшедших - это сумасшедшие второго рода, те, которые лишились потребности служить другим, - сумасшедшие эгоизма, как я это и сказал сначала. Сумасшедших этого рода огромное количество; большинство людей мирских одержимо этим сумасшествием. Оно не бросается нам в глаза только потому, что сумасшествие это обще большим массам, а сумасшедшие этого рода соединяются вместе. Они мало страдают от своего сумасшествия, потому что не встречают ему отпора, а, напротив, сочувствие. И потому все люди, одержимые этим сумасшествием, со страшным упорством держатся битых колеи, преданий внешних, светских условий. Это одно спасает их от ужасно мучительной стороны их эгоистического сумасшествия. Как только такой человек почему бы то ни было выходит из сообщества одинаковых с собой людей, так он сейчас же делается несчастным и, очевидно, сумасшедшим. Такие сумасшедшие все составители богатств, честолюбцы гражданские и военные. Как только они вне таких же, как они, людей, - вне "*voies communes*", так они "*fou a lier*". Как видно здесь, Л. Н-ч устанавливает принцип единения человека, обмена живых услуг с окружающими его людьми, невозможности отделиться от них. Интересно сопоставить эту мысль с почти противоположной, записанной в этот же день, несколько далее: "Глядя на то, что делается во всех собраниях, на то, что делается в свете с условными приличиями и увеселениями, мне поразительно ясна стала, кажется, никогда еще не приходившая мне мысль, что кучей, толпой, собранием делается только зло. Добро делается только каждым отдельным человеком порознь". Конечно, тут нет противоречия. Добро человек делает в одиночку, за свой счет и за своей ответственностью, но этим добром он служит людям и должен быть готов принять услуги других. В этом заключаются здоровые условия общественной жизни человека. Этот год ознаменовался особенно яркими протестами отдельных личностей и целых групп против государственного насилия в виде суда, войска, присяги, податей как несовместимых с христианским жизнепониманием. Большая часть людей, заявивших этот протест, находилась в сношениях со Л. Н-чем, выражая ему сочувствие, и можно думать, что их поступки носили на себе влияние его взглядов. Надо вспомнить, что год тому назад стало распространяться в России и за границей сочинение Л. Н-ча "Царствие Божие внутри вас", несомненно, сильно действовавшее на читателя. Одним из таких протестов был отказ от военной службы австро-венгерского военного врача Альберта Шкарвана, друга и единомышленника Душана Петровича Маковицкого. От него Л. Н-ч и получил первое известие о поступке Шкарвана. И Л. Н-ч так отвечал ему 10 февраля того же года: "Получил вчера ваше письмо, дорогой Душан Петрович, и очень был тронут и поражен сообщаемым вами известием о поступке нашего общего друга Шкарвана. Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смешанное чувство страха, торжества, сострадания и радости. Во всех такого рода делах непременно одно из двух: или это проявление всемогущего Бога в человеке, и тогда это торжество и радость и несомненная победа, хотя бы и сгорел тот человек, в котором проявляется Бог; или дело человеческого личного побуждения - славолубия, раздражения, страсти, и тогда это проявление только служит источником страдания для того, кто проявляет его и не только не служит, но только вредит делу Божьему. Признак же того, что это дело Божье, а не человеческое, есть то, что, совершая его, человек делает не то, что ему хочется, а то, чего он